

Присутствие Страхова

В истории русской литературы критик и философ Николай Николаевич Страхов (1828–1896) занимает место прямого наследника Аполлона Григорьева. Рождённый в провинциальной семье православного богослова, получив начальное религиозное образование, он окончил естественно-математический факультет Санкт-Петербургского педагогического института и защитил диссертацию на степень магистра, которая называлась, на наш дилетантский вкус, весьма экзотически: «О костях запястья млекопитающих». Пытливый и добросовестный ум Страхова пытался найти синтез религии и естествознания. Это привело его к положительной философии, а затем постепенно и к литературе.

Страхов и сам не раз признавался, что он наследует идеи А.Григорьева. В 1859 г. в журнале «Русский мир» страховская работа «Письма об ограниченной жизни» обратила на себя благожелательное внимание знаменитого русского критика, поэта и мыслителя. И в последствии А.Григорьев не раз сочувственно упоминал о Страхове, надеясь на развитие так называемой “органической” критики в новом поколении русских литераторов. Н.Н. Страхов сполна ответил на эту духовную поддержку. Он издал и прокомментировал посмертные издания Григорьева, и именно Страхову русская читающая публика второй половины XIX века обязана тем, что после В.Г. Белинского имя Аполлона Григорьева стало знаменем русской национальной критики.

И сам Страхов в свои зрелые годы стремился следовать органическому, объективному анализу литературы и действительности, избегая по возможности крайностей резкой журнальной полемики, которая разводила по разным лагерям революционных демократов в лице Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева и либералов с консерваторами (тут можно назвать А.В. Дружинина и М.Н. Каткова). Однако, безусловно, в душе Страхов был противником западничества и искренне верил в особый путь России.

“С детства я был воспитан в чувствах безграничного патриотизма, — вспоминал он, — я рос вдали от столиц, и Россия всегда являлась мне страной, исполненной великих сил, окружённую несравненной славою: первую страной в мире, так что я в точном смысле слова благодарил Бога за то, что родился русским. Поэтому я долго потом не мог даже вполне понимать явлений и мыслей, противоречащих этим чувствам; когда же я, наконец, стал убеждаться в презрении к нам Европы, в том, что она видит в нас народ полуварварский, и что нам не только трудно, а просто невозможно заставить её думать иначе, то это открытие было мне невыразимо больно, и боль эта отзывается до сегодня. Но я никогда и не думал отказываться от своего патриотизма и предпочесть земле и её духу дух какой бы то ни было страны”¹.

Конечно, страховский патриотизм не имел ничего общего с шовинизмом и даже с классическим славянофильством. Страхов был, по сути своей, литератором и учёным, воспитанным немецкой классической философией и идеями русской почвенности. Иногда его называют поздним славянофилом, и с этим, наверное, можно согласиться с известными оговорками: век Аксакова и Хомякова был позади. Н.Н. Страхов, как мыслитель, объективно встал рядом с другими значительными фигурами того времени — К.Леонтьевым и Н.Данилевским, которые критически переосмыслили утопические основы раннего славянофильства.

Здесь не место вдаваться в серьёзный анализ философской проблематики. Нас интересует Николай Страхов прежде всего как литературный критик. И надо признать, что именно в этом роде деятельности он достиг наибольшего признания.

Перу Страхова принадлежит немало естественнонаучных сочинений. Среди них — «Мир как целое», «О методе естественных наук и значении их в общем образовании», «Об основных понятиях психологии и физиологии» и другие. Он состоял членом учёного комитета Министерства народного просвещения, а также был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. Однако встреча и приятельство с Ф.М. Достоевским перевернули всю его судьбу. Именно Достоевский угадал в Страхове талантливого писателя и пригласил его сотрудничать в своём журнале «Время».

Впрочем, пронзительней всех написал о Страхове В.В. Розанов: «Он (Страхов. — **Е.С.**) сошёл с пути чистого естествознания и, весь руководимый одной мыслью, обратился к разнообразным сферам истории, литературы, политики, как будто повсюду и в них продолжал искать чего-то, чего не нашёл в естествознании...»²

Чего же искал Страхов? Того же, что ищут все незаурядные и глубокие натуры: неразгаданную тайну человеческой жизни и смерти, в которой противостоят стихия природы и таинства религии.

Отсюда его любовь к Л.Н. Толстому и проникновенное понимание «Войны и мира». Едва появился этот роман, как Страхов откликнулся на него рядом блестящих статей.

Они написаны с вдохновенной пронзительностью. Никто лучше Страхова не понял Толстого. Он первый оценил великую объективность толстовского искусства в изображении реальной жизни и реальной психологии человеческой души. Он раньше многих понял, что Толстой в своём романе посреди обычной, частной жизни Ростовых и Болконских уловил вечные черты человеческого существования и жизни народа.

Он замечательно постиг заветную мысль Толстого, что каждый человек не меньше всякого другого и что героизм есть естественное проявление человеческого достоинства в критические минуты его жизни и жизни его Отечества. Он прекрасно понял пессимистическую, в сущности, природу толстовского признания за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум. «Таинственная глубина жизни» — вот мысль «Войны и мира».

Вчитываясь в строки, рисующие последние мгновения жизни Андрея Болконского, атеиста по своим взглядам и воспитанию, который вдруг почувствовал, что ему открывается новый взгляд на жизнь, что в его сердце неожиданно вливается сострадание даже к врагам своим, критик пишет: «С удивительной ясностью и силой поэт показывает, как религиозный взгляд составляет всегдашнее прибежище души, измученной жизнью, — единственную точку опоры для мысли, поражённой изменчивостью всех человеческих благ. Душа, отрекающаяся от мира, становится выше мира и обнаруживает новую красоту — всепрощение и любовь». В этих простых словах — весь Страхов и много Толстого.

Критик сравнивает прозу Толстого и Пушкина («Капитанская дочка») и полагает, что именно душевное и духовное здоровье этих писателей, воплотивших лучшие качества отечественной жизни и литературы, есть залог здоровья русского народа, при всех его исторических предрассудках, болезнях и миражах. «И всё крепче и крепче, всё сознательнее мы будем питать приверженность к прекрасному идеалу, проникающему собою книгу гр. Л.Н. Толстого, к идеалу *простоты, добра и правды*» — так заканчивает он свои статьи о «Войне и мире».

Приведу красноречивую деталь. Известно, что Толстой никогда не общался с Достоевским. Страхов же был дружен с обоими. О степени доверия Толстого к литературному вкусу Страхова и пониманию самой сути своего романа свидетельствуют

письма писателя к критику. "Ещё просьба, — пишет Толстой Страхову 25 марта 1873 года, — я начал готовить «Войну и мир» ко второму изданию и вымарывать лишнее — что надо совсем вымарать, что надо изменить, что надо вынести, напечатать отдельно. Дайте мне совет... Вы бы очень обязали меня". С Достоевским же такой близости не было, несмотря на давнее знакомство и отличную страховскую статью о «Преступлении и наказании». Тут, конечно, была некая несовместимость, род невольной ревности, которые существовали между двумя могучими талантами. Страхов оказался посредине и в силу собственной природы и художественных принципов принял ближе сторону Толстого.

Николай Страхов обладал чувством слова и тем, достаточно изысканным вкусом, который совершенно необходим для настоящего критика, далёкого от какой-либо посторонней искусства предвзятости. Именно поэтому он высоко ценил поэзию А.Фета и публицистику А.Герцена, казалось бы, "партийных" антиподов. Чистый звук русской поэзии был дорог его умному сердцу, как и горькие инвективы Чаадаева и Герцена. Он ценил не только литературных единомышленников, но и всё разнообразное богатство русской мысли, которая мучительно искала свой путь в культуре и истории.

Особо следует отметить его большую статью об «Отцах и детях» И.С. Тургенева. Собственно, с неё началась настоящая литературная известность Страхова. Несмотря на весь свой консерватизм, резкое неприятие нигилизма и революционно-демократических воззрений, критик сумел встать выше какой-либо тенденции и по заслугам оценил редкую художественную пронизательность Тургенева, воссоздавшего в Базарове реальный, органический, а главное *трагический* тип русского нигилиста. Трагедию Базарова понял и Ф.М. Достоевский. Его Раскольников по внутренней душевной сути не слишком далеко, на наш взгляд, разошёлся с тургеневским Базаровым.

Ради постоянного денежного содержания Страхов двенадцать лет исправно служил в императорской публичной библиотеке. Он был холост, не имел детей, одиноко жил в небольшой петербургской квартире, которую переполняли книги. Книжные волны на многих европейских языках подползали к его креслу и большому столу красного дерева, за которым он работал.

Его имя неразрывно связано с гением русской литературы. Так должно было случиться. Без Пушкина не было бы Белинского. Без драматурга А.Н. Островского не было бы критика Аполлона Григорьева. Если бы не было Льва Толстого, не было бы и Страхова, каким он вошёл в русскую культуру второй половины девятнадцатого века. Только великая литература способна рожать большую критику. Другого не дано.

Библиография

1. *Страхов Н.Н.* Бедность нашей литературы. СПб., 1868.
2. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882.
3. *Страхов Н.Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888.
4. *Страхов Н.Н.* Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862–1885). 4-е изд. Киев, 1901.
5. *Страхов Н.Н.* Литературная критика. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000.

Литература о Страхове

1. *Никольский Б.В.* Николай Николаевич Страхов. СПб., 1896.

2. *Розанов В.В.* Литературная личность Н.Н. Стрхова // О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. С. 209–233.

3. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Стрховым. СПб., 1914.

4. *Скатов Н.Н.* Н.Н. Стрхов. Вступительная статья // *Стрхов Н.Н.* Литературная критика. СПб., 2000.

Примечания

[1](#) Цит. по книге: *Никольский Б.В.* Николай Николаевич Стрхов. С. 248.

[2](#) *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки // О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. С. 212.